

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВСЕ ДЛЯ РОДИНЫ, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Начало войны встретили прямо в поле. Часа в четыре, в начале пятого, закосились. Хотя и всё проверили: сенокоски, сбрую, коней. Но задел, он и есть задел. Только всё, по росе-то, пошло, у Прокопа косогон и завернуло! А он первым шел. Не обкашивать же. Встали, быстренько заменили - и вперед! Корягу прошлогоднюю чёрт принес! Часиков до одиннадцати косили. Пекло пришло, да и время завтрака. Шалашик, загодя с вечера, под черемухой смастерён был. Коней в черемуху, сами за сидора. Только завтракать начали, смотрим, бригадир дядя Витя на Карьке. Подъехал, спрыгнул с коня, а сам какой-то бледный. Поздоровался с нами, прокашлялся и почти шёпотом, как-то виновато, говорит:

- Война, братцы! С немцем война! Точно пока не знаю. Сказали, по радио сообщение будет. Но вы работайте, никуда - никто! Новости будут - прибегу!

Ускакал. Кусок в рот не лезет. Оторопь какая-то. Прокоп говорит:

- Я германца по мировой помню. Вояка справный. Но зря он на нас пошёл! Эх, зря! Теперь кто кого, до смерти биться будем! Кровушки похлебаем! Сукин сын! - не понятно, про кого, сказал он. Свернул самокрутку, закурил и пошел в сторону реки.

- Не расслаживайтесь долго! - крикнул он. - Доедайте - и робите! Наше дело теперь косить!

Уже поздно вечером, сидя у костра, мы узнали - действительно, фашисты без объявления войны напали на Советский Союз! Прокопа, он был партийный, через два дня призвали на фронт! Больше мы его не видели...

Первый же месяц, почти каждый день, мужики уходили и уходили. Оставались калеки, подростки, старики да дети с бабами. Мы косили, гребли, копнили, скирдовали. Слышал, наверное: «Все для фронта! Все для Победы!». Вот это «Все!» и были те, кто остались. Уж на что в тридцатом было голодно да трудно, а в войну было не легче. Работали с утра и до вечера, с вечера и до утра. Бабы - на ферме, в поле, везде. В сорок втором строили базы. Камень ломали в сопках, возили на быках, месили глину с песком и соломой голыми ногами и клали стены. А голыми ногами потому, что обуви не было. Резиновые бутылки лили и берегли их, как зеницу ока! Наверное, и ноги оттого и тянет. А с фронта пошли первые похоронки:

- Пал смертью храбрых...

- Пропал без вести...

И первые скупые письма:

- Воем под Киевом, Смоленском, Москвой...

Первые вдовы сироты. Первые горючие слезы...

Музей в районе видел? Нет, а зря. Ты выбери время, съезди. Там такой на входе стоит. Железный, конь-то. Запускался с маховика, маленьким ломиком. Ломик вставляешь в отверстие и крутишь, резко. Если схватил мотор - повезло, ну а если нет, ещё раз. Только он, словоч такая, имел норы свои. Крутанул, а он зашелся, да в обратную сторону! Как брызнет! Куда ты, грешный, а куда ломик твой. Хорошо, если отскочишь, а если нет - не обессудь. Ручонки у девчонок повыверчивало и поторвало, кто считал? А в ту весну зябь пахали. Простой трактора это большое ЧП! Понятное дело - война! И случилось так, утром встали, а мальчонка горит, как в огне! Пластиком у мамки на руках виснет. Понятное дело, бабка дома, а мамке с папкой на работу пора. Тут Мария взмолилась:

- Пашенька, родненький, ты же танкист, трактор хорошо знаешь. До обеда за меня походи. Всё одно в поле. Я с малышом побуду немного, а к обеду, глядишь, ему полегче будет. Взяв попоим, да и кормить его надо, слабенький больно. Выручи...

Павел скрипнул зубами, комсомолец, как-никак, но согласился. И все бы ничего, да к полудню уполномоченный на ходке, как чёрт из табакерки, появился. Председатель с ним, ну и, конечно, бригадир дядя Федя. Уполномоченный бригаду хорошо знал.

- Это что? - спрашивает. - Семейный обман? Жена где-то болтается, а муж прикрывает!

И понес...

Про фронт вспомнил, про хлеб, про то, как им, там, на фронте, тяжело. Пытались Павел с дядей Федей объяснить ситуацию, да куда там! Вредители! Враги народа! Покрываете симулянта! Наутро следующего дня вызвали дядю Федю с председателем в райком.

Не знаю, что они там услышали, что кому раздали. Только дядя Федя, как был бригадиром, так и остался, а председателя сняли, и больше мы его не видели. Пришли другого. Правда, мальчонка все одно - помер.

Я трудился по мере сил. Всё больше возле коней. Рука у меня так и не разгибалась, на фронт меня, когда срок пришёл, не брали. Коньки наши с конюшни к зиме 41-го исчезли. Их тоже мобилизовали. Вместо них осталось шесть быков. На них мы и возили: и сено, и зерно, и прочий груз.

Был у меня друг, Сашка. Из местных. На годок помладше. Мы друг друга «старухами» звали. Не знаю, почему.

- Привет, старуха!

- Привет!

- Как дела, старуха?

- Нормально!

Трудились мы на перевозе. У него свой бык, у меня - свой. Про быков особый сказ. Бык он и есть бык. Запряжешь его в телегу или в токарный станок на привод в крепостину - и поехали. Только эта скотина удивляет. Из-

6.10.11

Владимир ПОЛЯКОВ

Продолжение следует...

- А как Победу встретили?

Вот сколько себя помню, ни один год ведь не даём

посуху убрать. Обязательство, хоть под конец, да брызнем!

Он вздохнул, расправил ноги.

то дня два-три.

- Заеда, едрана вошь, не даст побить. Остаток-

к дождю. Уселся у костра.

паруто несколько дней к ряду. Заходили тучки - зная,

лечь в работу, к вечеру потянуло с похолод, да и то

Позавтракали, заправили коней. Постепенно етнну-

лось. Сбегал на реку, помылся, стало как-то легче.

малу не один день, немного ныло. Вставать не хоте-

обещал быть ясным. Тепло с непривычки, хотя и рабо-

Утро пришло прохладное, свежее. По всему, день

выходил, курол, кашлял... Видно, еспоминал что-то.

Давай-ка, спать. Заболтались мы с тобой что-то.

Улеглись. Я слышал, как он едорчался, тяжело вздыхал,

розе перече. Да и в потёмках слез не видно.

с принтом. Остальные подхватят, мы - на улицу. На мо-

Пока кто-то не вспомнит про своего - заревет в голос, да

ли после, уже в конце войны. Сидим спокойно, болтаем

и слушаем вести с фронтов. Ромкоговоритель постави-

ди его.

трактористка встал, он тут как тут. Попробуй, мужик, заве-

лит, сейчас у всех болит, однако работают и не жалуются.

что ночью спать не может, видишь ли, у него бо-

лых три класса. Почерк хороший, разборчивый. Ну и что,

целые, да и глаз один есть, к тому же и грамотный: це-

нет. Ну, его учёником в бригаду и назначили. Рук и ноги

фронта пришёл. Списали подчинёно. Полголовы и глаза

слезная, правда, но слышала хорошо. А муж, Павел, с

диде только сиску и сосало. Баба сидела при ребёнке,

удивительно-то было. Мама питалась, чем попало, а

кий такой уродился, слабенький, рахитчатый. Да и не-

сестра, Мария, осенью родила мальчонку. Хилень-

пись теперь, кто есть кто.

не состоял. Но сам себя считал партияным. Вот и разбе-

ти коммунистом был! Хотя, если правду сказать, в партии

Одно слово - немец! Но обиду не затаил. До самой смер-

дней, приехал домой и больше на фронт не просился.

Просился на фронт - вызвали, подержали несколько

бипал собственными руками и знал трактор раз пере-

мошкой. Каждую гаку и каждый болт тысячу раз пере-

чекки все! На трактор сел одним из первых в селе. Са-

ский, худой, как всякий сельский мужик, умел практи-

вожский немец даял фёда. В годах уже, здоровый, вы-

до зари. Пахали, боронили, севали. Бригадиром у них был

дующего года сели за руль тракторов! Работали с запи и

течными, вскоре обе вернулись в совхоз. И весной сле-

трактористку в посёлок Ленинский. Курсы были скоро-

года старше её, будучи уже замужней, пошла учиться на

стнадцать. Она, вместе с сестрой, которая была на три

Моей будущей жене в сорок втором исполнилось ше-

время! Именно такой! Жёсткий, беспощадный!

бы ни говорили, я до сих пор убеждён - он был нужен в то

«Братя и сестры!» Слушали, верили и надеялись! И что

отчаяния, утрат, невозможности. И вся надежда на Неро!